

A person wearing a backpack and a jacket stands in the foreground, looking out over a vast, ruined city. The ground is covered in debris, rubble, and some small plants. In the background, there are several bridges and a dense, towering cityscape with many skyscrapers. The sky is hazy and blue. The overall atmosphere is one of desolation and mystery.

Глеб Шматков

Призрачный мегаполис: Глоток иллюзии

18+

Глеб Шматков

**Призрачный мегаполис:
Глоток иллюзии**

«Автор»

2026

Шматков Г.

Призрачный мегаполис: Глоток иллюзии / Г. Шматков —
«Автор», 2026

Обычное утро Карла закончилось там, где начался кошмар. Миллионный город вырван из реальности и заперт под непроницаемым куполом Системы. Здесь нет имен, только уровни. Нет законов, только золото в интерфейсе и жестокая «Нестабильная адаптация» собственного тела. Карл — не герой из пророчества, а случайная деталь в глобальной жатве Архитекторов. Чтобы не стать кормом для тварей в метро, ему придется переплавить свой страх в ледяной разум, а случайные трофеи — в оружие, которого не должно существовать. Куда прыгнет город-аномалия завтра? В леса Этернии или в пекло Пустошей? Карл начинает свою игру против правил, еще не зная, что в этой системе за каждый лишний уровень приходится платить частью собственной души.

Глеб Шматков

Призрачный мегаполис: Глоток иллюзии

Глава 1: Золотой берег

Утро над столицей расцветало так мягко, словно сам воздух был соткан из нежного шелка и тепла. Солнце, еще не успевшее набрать полуденную тяжесть, щедро заливало проспекты ласковым золотом, превращая зеркальные фасады небоскребов в сияющие маяки. Город, прижавшийся к самой кромке океана, жил в гармонии с его ритмом: соленый бриз, прохладный и живительный, гулял по широким бульварам, принося с собой далекий рокот прибоя. Этот запах синего моря – терпкий, йодистый, смешанный с ароматом нагретого на солнце песка – наполнял легкие, даря обманчивое чувство бесконечной свободы и безопасности.

На набережной, где белоснежная пена лениво лизала золотистый берег, жизнь текла неспешно и плавно. Крики чаек над водой сплетались с тихим шелестом шин и беззаботным смехом прохожих. Столица напоминала огромный, прогретый солнцем живой организм, который нежился в лучах погожего дня, совершенно не ожидая подвоха.

В паре кварталов от пляжа, там, где морской ветер смешивался с городскими ароматами, из открытых дверей угловой булочной выплывал густой, манящий дух свежей выпечки. Этот запах – домашний, уютный, пропитанный нотками корицы и сливочного масла – вступал в идеальный резонанс с морским бризом. Карл переступил порог, и негромкий перезвон колокольчика приветствовал его в этом оазисе спокойствия.

Он устроился за высокой стойкой прямо у окна, откуда открывался вид на залитую светом улицу и тонкую полоску лазури на горизонте. Перед ним опустилась чашка, от которой поднимался густой аромат свежееобжаренных зерен, и тарелка с румяной, еще пышущей жаром булочкой. Обхватив пальцами теплый фарфор, Карл прикрыл глаза, подставляя лицо солнечному лучу, пробравшемуся сквозь стекло. В этот миг, вдыхая запах кофе и ощущая кожей дыхание моря, он чувствовал себя по-настоящему живым, растворяясь в этом идеальном, безмятежном утре.

Карл сделал первый глоток. Горьковатая жидкость обожгла язык, оставляя послевкусие лесного ореха и темного шоколада. В этот момент весь мир за пределами маленькой кофейни казался не более чем декорацией к его личному утру. Он неспешно отломил кусочек булочки; хруст сахарной корочки прозвучал в тишине зала на удивление отчетливо. Мякиш внутри был еще горячим, исходящим нежным сливочным паром.

За соседним столиком сидела молодая пара. Они о чем-то негромко спорили, склонившись над картой города, и их приглушенные голоса вплетались в общий уют заведения. Девушка смеялась, поправляя выбившийся локон, а ее спутник с обожанием смотрел на нее, забыв о своем остывающем чае. Карл невольно поймал себя на мысли, что именно из таких мгновений и соткано человеческое счастье – из возможности просто сидеть в тишине, вдыхать аромат моря и знать, что впереди целый день, полный привычных дел и мелких радостей.

Он перевел взгляд на улицу. Там, за панорамным стеклом, жизнь набирала обороты. Стайка подростков с досками для серфинга пронеслась в сторону пляжа, их загорелые лица сияли азартом. Пожилой мужчина в безупречно белой панаме выгуливал крошечного терьера, который забавно тявкал на пролетающих мимо чаек. Всё было на своих местах. Всё было правильно.

Карл достал из кармана телефон, мельком глянул на уведомления – рабочие чаты, пустые светские новости, прогнозы погоды, обещавшие идеальный штиль. Он собирался убрать аппарат, как вдруг заметил странную деталь. Начищенная до блеска поверхность кофемашины за спиной бариста отразила нечто необычное. Свет в помещении на долю секунды изменил оттенок – из теплого золотистого он стал едва заметно мятным, холодным.

Мужчина нахмурился и снова посмотрел в окно. Бриз, который секунду назад ласково трепал маркизы пекарни, внезапно стих. Флаги на набережной безвольно повисли, словно из мира в одночасье откачали весь воздух. Море, еще мгновение назад искрившееся лазурью, вдруг стало тяжелым, свинцовым, и волны замерли, не добежав до берега.

Карл почувствовал, как внутри него шевельнулось странное беспокойство – не страх, а скорее инстинктивное недоумение. Он взглянул на свои руки: чашка в его ладонях начала едва заметно вибрировать. Тонкий фарфор издавал едва слышный, высокий звук, похожий на комарный писк. Жидкость внутри пошла идеальными концентрическими кругами, хотя руки Карла были неподвижны.

– Вы это чувствуете? – негромко спросил юноша за соседним столом, отрываясь от своей спутницы. Его лицо внезапно осунулось, а глаза округлились.

Карл не ответил. Он смотрел в небо. Там, прямо над шпилями центральных высоток, пространство начало искажаться. Воздух задрожал, как над раскаленным асфальтом, и первые нити ослепительно белой энергии стали сплетаться в колоссальный узор. Птицы, только что щебетавшие в кронах, сорвались с мест и в полном молчании бросились прочь от океана, темным облаком закрывая на мгновение солнце.

Затем пришел звук. Это был не взрыв, а низкочастотный гул, заставивший вибрировать каждую клетку в теле Карла. Зубы заныли, а в ушах возникло чувство невыносимого давления. Люди на улице начали останавливаться, задирая головы вверх. Улыбки исчезали с их лиц, сменяясь маской непонимания, которая медленно перерастала в ужас.

И тут земля под пекарней сделала первый, предупреждающий толчок. Стеллаж с пода-рочными наборами кофе за спиной бариста с грохотом обрушился, засыпая пол осколками керамики и зернами. Колокольчик над дверью зашелся в безумном, рваном звоне.

Карл вцепился в край стойки. Его пальцы побелели от напряжения. Он видел, как через все небо, от горизонта до горизонта, протянулась тонкая, пульсирующая линия, которая начала разрастаться, превращаясь в тот самый энергетический купол, о котором он не мог даже помыслить. Мир, пахнувший морем и корицей, только что перестал существовать.

Гул в ушах превратился в невыносимый ультразвук, от которого зубы зашлись мелкой дрожью. Карл видел, как энергетические нити в небе сплелись в плотный, непроницаемый купол, отсекающий город от остального мира. В следующее мгновение реальность под ногами просто исчезла. Ослепительная вспышка стерла очертания домов, лиц и залитой солнцем набережной. Там, где еще секунду назад кипела столичная жизнь, остался лишь колоссальный, идеально ровный кратер, мгновенно заполняемый соленой водой хлынувшего океана. Столица исчезла с лица земли, не оставив после себя даже пыли.

Когда зрение вернулось к Карлу, он обнаружил себя лежащим на полу кофейни. Снаружи больше не было моря. Вместо лазурного берега до самого горизонта простирался бесконечный, выжженный пустырь под тяжелым серо-фиолетовым небом, лишенным светила. Огромный мегаполис застыл посреди этой пустоты, словно вырванный с корнем кусок ткани, небрежно брошенный на чужую землю.

Наступившая тишина была оглушительной. Электричество исчезло, и только призрачное свечение неба проникало сквозь витрины. Вдалеке, на самой границе города, в пыльных сумерках мелькали тени. Коренные обитатели этого мира, почуяв чужаков, не спешили в атаку. Обладая холодным и расчетливым разумом, они лишь наблюдали, кружа вокруг перенесенных кварталов, словно стая хищников, выжидающая идеальный момент. Мелкие, юркие твари прощупывали новую локацию, и никто из выживших не мог знать, когда это ленивое наблюдение превратится в кровавую лавину. У людей оставались лишь часы или дни – время, которое утекало сквозь пальцы в попытках осознать, что прежней жизни больше нет.

В этот момент тишину внутри пекарни нарушило мягкое пульсирующее сияние. Над плечом Карла возник крошечный летающий шарик – воплощение его духа, связанное с самой

его сутью. Этот призрачный проводник был невидим для окружающих, принадлежа лишь своему носителю. Перед глазами Карла развернулось полупрозрачное окно статуса, мерцающее характеристиками и списком сил. Система предлагала лишь зачатки способностей – крошечные искры, которые еще предстояло долго и мучительно развивать. Никто не стал сильным в одно мгновение; любой избыток полученной энергии грозил разорвать человеческий сосуд, превращая тело в кровавое месиво.

Многие вокруг в порыве паники пытались выбрать самые яркие и громкие дары, не осознавая, что их нынешняя оболочка не выдержит и доли этой мощи. Карл же, чувствуя, как внутри него всё сжимается от первобытного страха, долго всматривался в перечень. Он понимал, что магия в этом мире – это взрыв стихии, и без должного иммунитета первый же шаг к силе станет последним. Пока другие тянулись к разрушению, он выбрал Иммунитет к магическому поглощению и нестабильную адаптацию.

Этот выбор не сделал его героем. Напротив, он почувствовал лишь тяжесть в костях и тошнотворный привкус меди во рту. Это была лишь крохотная зацепка, фундамент для выживания – способность медленно усваивать энергию, не позволяя ей испепелить себя изнутри. Теперь он был всего лишь напуганным человеком с хрупкой психикой, начавшим свою эволюцию с самого дна, в то время как другие уже балансировали на грани самовозгорания.

Город замер в ожидании. Никто из тех, кто сжимал в руках холодное оружие или пытался вызвать первую искру на кончиках пальцев, не знал, сколько времени им отведено в этом пустыре. Будет ли это вечность или несколько дней – оставалось загадкой, скрытой за фиолетовым маревом чужого неба. Карл сжал пальцы в кулаки, чувствуя, как его личный дух пульсирует в такт его учатившемуся сердцебиению. Первая ночь в чужом мире только начиналась, и тишина за окном, полная неизвестности, пугала больше любого крика.

Глава 2: Рынок выживших

Тьма, поглотившая мегаполис, не принесла покоя. Вместо этого она наполнилась призрачным неоновым свечением миллионов интерфейсов, вспыхнувших перед глазами растерянных граждан. Карл стоял посреди разгромленной пекарни, глядя, как пространство перед ним вибрирует от обилия информации. Система, внезапно ставшая частью их сознания, предлагала инструменты, которые казались магией, но пахли горьким расчетом. Воздух в помещении, еще недавно хранивший аромат ванили, теперь казался наэлектризованным, тяжелым от невысказанного ужаса и внезапно обретенной надежды.

Каждый житель города обнаружил в своем распоряжении стартовый капитал – десять тысяч золотых монет в виртуальном кошельке и сотню очков распределения. Это был скрытый потенциал, готовый изменить саму суть человеческого тела, если решиться вложить его в определенные характеристики. Но система не давала готовой силы. Она лишь открыла доступ к аукциону – пустой, гулкой витрине, где не было товаров от создателей этого мира. Торговая площадка стала отражением накопленного имущества горожан: на продажу можно было выставить абсолютно всё, что имело вес или ценность. Личные вещи, антиквариат, одежда, остатки еды или инструменты из гаражей – аукцион принимал любой лот, перемещая его между инвентарями покупателей и взимая за это жестокую комиссию в золоте.

Карл почувствовал, как в его личном пространстве материализовался «Набор новичка» – скромный дар, соответствующий его выбору. Это был не арсенал героя, а лишь необходимый минимум: плотная кожаная куртка, пахнущая свежей выделкой, и короткий клинок, чей холодный металл неприятно охлаждал ладонь. Эта экипировка стала его единственной связью с новой реальностью, шансом сделать первый шаг к развитию, не надеясь на спекулянтов. Он медленно натянул куртку, чувствуя, как она сковывает движения, напоминая о том, что теперь его жизнь зависит от прочности этого куска кожи.

Вокруг него люди уже начали лихорадочно изучать свои интерфейсы. Золото жгло виртуальные кошельки, но покупать было почти нечего. Город начал торговать собственным прошлым. Кто-то выставлял на аукцион уцелевшие медикаменты из аптечки, кто-то – фамильные украшения, надеясь, что кому-то они еще нужны в этом безумном новом мире. Сделки совершались мгновенно: предмет исчезал из рук владельца и вспыхивал в цифровом хранилище покупателя, подтверждая работоспособность этой бездушной системы. Карл видел, как один из посетителей кафе в ярости пытался продать свой пустой бумажник, но интерфейс лишь равнодушно мерцал, не находя покупателя на этот бесполезный мусор.

Город начал трансформироваться. Военные части, сохранившие остатки дисциплины, быстро взяли под контроль ключевые перекрестки. Используя стартовые ресурсы, они превращали бетонные блоки в первые линии обороны на границах кварталов, возводя укрытия там, где проспекты обрывались в пустоту выжженного пустыря. Те, кто сохранил самообладание, начали сбиваться в группы, строя баррикады из брошенных машин и мусорных баков. Инженеры, лишённые электричества, с недоумением изучали странные пульсирующие камни, которые начали находить в пыли на месте первых убитых монстров или в эпицентрах странных аномалий. В этих кристаллах разума таилась энергия, способная вновь зажечь огни мегаполиса, но специалисты пока лишь строили догадки, вертя в руках холодные грани и не зная, как извлечь пользу из этих пугающих трофеев, пришедших из глубины кошмара.

Карл сжал рукоять клинка, чувствуя, как ладонь потеет. Система обещала два очка навыков и сто пятьдесят золотых за каждое повышение уровня, а также полное исцеление – высшую милость в мире, где плоть была так уязвима. За убийство каждой твари система выдавала скудную награду в меди, серебре или золоте, превращая выживание в кровавый заработок. Карл сосредоточился на своем окне статуса. Перед ним стоял выбор: распределить те самые сто очков, чтобы стать быстрее или крепче. Его хрупкая психика стонала от осознания того, что любая ошибка в цифрах может стоить ему жизни в первом же переулке. Он не стал сильнее в один миг – его иммунитет лишь давал ему шанс не сгореть, пока он делал первый шаг во тьму, пытаясь превратить себя из жертвы в того, кто способен нанести ответный удар.

Внезапно со стороны набережной, которой больше не существовало, донесся протяжный, вибрирующий вой. Это не был крик животного – звук казался механическим и органическим одновременно. Карл замер, глядя, как на границе света и тени мелькнула первая стая мелких существ. Они не нападали, они прощупывали почву, ожидая, когда страх окончательно парализует добычу. Линия фронта теперь проходила через каждый дом, и каждый выживший должен был решить, готов ли он тратить свое золото на спасение или на оружие.

Глава 3: Первый расчет

Тьма за порогом пекарни больше не была пустой. Она дышала, шуршала когтями по асфальту и вибрировала от низкого гула купола, который теперь заменял городу небо. Карл стоял в дверном проеме, чувствуя, как ледяной сквозняк из пустоты шевелит полы его новой кожаной куртки. Его хрупкая психика, воспитанная в стерильном комфорте офисов и аромате утреннего кофе, трещала по швам, но инстинкт выживания, дремавший глубоко внутри, заставлял пальцы мертвой хваткой сжимать рукоять короткого клинка.

Перед глазами всё ещё висело призрачное марево интерфейса. Сто очков распределения. Чистый, необработанный ресурс, способный превратить его из офисного клерка в кого-то, кто сможет хотя бы убежать или нанести один точный удар. Карл понимал, что в этом мире нет места универсалам. Те, кто попытается развить всё понемногу, станут легкой добычей для узкоспециализированных хищников. Его иммунитет к поглощению требовал прочного фундамента.

Он сосредоточился на параметре ловкости и восприятия. Ему не нужно было быть титаном, чтобы крушить стены; ему нужно было чувствовать опасность раньше, чем она коснется

его горла, и двигаться быстрее, чем затуманенный страхом разум успеет отдать приказ. Очки вливались в его суть не как магический дар, а как болезненная трансформация: мышцы сводило судорогой, зрение становилось неестественно острым, выхватывая детали в тенях, а слух начал различать ритмичное дыхание тварей в паре кварталов отсюда. Это не было могуществом – это было обострением всех чувств до предела, превращающим каждый шорох в удар молота по натянутым нервам.

Карл сделал первый шаг на мостовую. Улица, еще утром сиявшая в лучах солнца, превратилась в полосу отчуждения. Фонари стояли мертвыми изваяниями, и только редкие всполохи от костров, которые разводили военные на перекрестках, разрывали сумрак. Из инвентаря он извлек монтировку, которую подобрал ранее. Металл привычно лег в левую руку. Теперь он был готов. Система молчала, не давая подсказок, лишь статус мигал в углу зрения, напоминая о десяти тысячах золотых, которые всё еще лежали мертвым грузом.

Внезапно из узкого переулка между ювелирным магазином и банком выскочило нечто мелкое. Существо размером с крупную собаку, но с неестественно длинными конечностями и кожей, напоминающей сырой бетон, замерло в десяти шагах. Его глаза, лишённые зрачков, пульсировали тем же фиолетовым светом, что и небо над городом. Карл почувствовал, как в животе образовался ледяной ком. Это была не героическая встреча, а столкновение двух напуганных существ, одно из которых было голодным, а другое – отчаянно хотело жить.

Тварь прыгнула. Карл не успел подумать – его тело, накачанное очками ловкости, сработало само. Он резко ушел в сторону, чувствуя, как когти существа распорили воздух в миллиметре от его плеча. Короткий клинок в правой руке пошел по дуге, инстинктивно ища податливую плоть. Металл с противным хрустом вошел в бок монстра. Из раны брызнула темная, густая жидкость, и в ту же секунду перед глазами Карла всплыло сообщение: получены первые медные монеты.

Существо взвизгнуло – звук был похож на скрежет ржавой пилы по кости. Оно не погибло, лишь стало яростнее. В этот момент Карл понял, что за каждое движение в этом мире придется платить выгоранием нервной системы. Его руки дрожали, пот заливал глаза, а сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот проломит ребра. Это был не бой из фильма, а грязная, паническая борьба в темноте, где победителя определяло не мастерство, а готовность бить до конца.

Воздух на улице изменился. Он больше не пах солью и выпечкой. Теперь в нем стоял плотный, тяжелый запах озона, пыли и чего-то сладковато-гнилостного, что сочилось из самих трещин в асфальте. Температура стремительно падала. Теплый морской бриз сменился мертвенным, неподвижным холодом, который пробирался под кожаную куртку, заставляя Карла непроизвольно вздрагивать. Его дыхание вырывалось из груди рваными белыми облачками, которые тут же растворялись в фиолетовых сумерках.

Распределение ста очков не прошло бесследно. Карл чувствовал, как внутри его черепа натягиваются раскаленные струны. Зрение стало пугающе четким: он видел каждую трещинку на стене ювелирного магазина, каждую ворсинку на своей куртке, но это изобилие деталей причиняло физическую боль. Его мозг, привыкший фильтровать лишнее, теперь захлебывался во входящем потоке информации. Слух улавливал слишком много: шорох гравия под лапами твари, далекий плач в одном из окон жилого дома, гул пульсирующего купола, который теперь казался звуком работающей гигантской мясорубки.

Тварь перед ним снова припала к земле. Карл видел, как под ее серой, похожей на бетон кожей перекачиваются узловатые мышцы. Она не была похожа на земное существо – слишком длинные суставы, слишком много зубов, расположенных в три ряда. В ее глазах не было ярости, только холодный голод и любопытство исследователя, нашедшего новый вид белка.

Когда она прыгнула во второй раз, мир для Карла замедлился. Это был эффект вложенной ловкости – секунда растянулась в вечность. Он видел, как капли темной слизи срываются с

когтей монстра. В его сознании вспыхнул первобытный, ослепляющий страх, перемешанный с тошнотой. Желудок сжался, напоминая о недавно съеденной булочке, которая теперь казалась камнем.

Карл выставил монтировку, пытаясь закрыться, и одновременно нанес колющий удар клинком. Сталь вошла в плечо существа, и по руке Карла прошла волна отдачи, отозвавшаяся резкой болью в локте. Он услышал собственный крик – хриплый, неузнаваемый звук человека, который впервые в жизни причиняет боль живому существу. Психика протестовала, разум умолял закрыть глаза и проснуться, но тело, ведомое инстинктом и вложенными очками, продолжало двигаться.

Тварь ударила его лапой в ответ. Когти лишь вскользь задели кожаную куртку, но силы удара хватило, чтобы отбросить Карла на припаркованный у обочины седан. Металл машины смялся с глухим стоном, стекло лопнуло, осыпав спину Карла мириадами мелких осколков. Боль была острой, обжигающей. Он почувствовал, как по ребрам потекло что-то теплое.

«Я сейчас умру», – пронеслась ясная, ледяная мысль. – «Я просто умру здесь, на грязном асфальте, среди битого стекла».

Но система имела свои планы. В углу зрения мигнуло сообщение о критическом состоянии, и тут же, словно в ответ на его отчаяние, личный дух – тот самый маленький светящийся шарик – пульсирующим светом коснулся его плеча. Карл почувствовал прилив ярости. Это была не героическая отвага, а ярость загнанной крысы.

Он рванулся вперед, сокращая дистанцию. Тварь не ожидала такой прыти от израненного человека. Карл вогнал клинок в основание черепа монстра, вкладывая в этот удар весь свой вес и весь свой страх. Существо забилося в конвульсиях, издавая звук, похожий на свист выходящего пара. Темная жижа залила руки Карла, она была горячей и пахла жженой резиной.

Когда монстр наконец затих, рассыпавшись в серый пепел, на его месте осталась лежать пара медных монет и крошечный, едва светящийся осколок – первый камень разума. Но Карл не смотрел на добычу. Его вырвало прямо на асфальт. Его колотило в крупной дрожи, зубы выстукивали дробь, а сознание тонуло в осознании того, что он только что убил.

И в этот момент над ним вспыхнул ореол золотистого света.

[УРОВЕНЬ ПОВЫШЕН]

Боль в ребрах мгновенно исчезла. Раны на спине, нанесенные стеклом, затянулись, не оставив даже шрамов. Усталость испарилась, сменившись странной, пугающей бодростью. Карл стоял посреди темной улицы, чувствуя себя абсолютно здоровым физически, но при этом ощущая, как его разум медленно рассыпается. Это исцеление было самым страшным – оно означало, что система не даст ему просто умереть от ран. Она будет чинить его снова и снова, заставляя возвращаться в эту мясорубку.

Он поднял с земли медные монеты и осколок камня. Его инвентарь тихо звякнул, принимая добычу. На аукционе уже начали появляться первые лоты – люди продавали найденные в панике вещи, пытаясь выменять их на еду или более крепкие ботинки. Но Карл смотрел не в интерфейс. Он смотрел в глубину переулка, откуда доносилось новое, коллективное шуршание. Твари собирались в стаю.

Золотистое сияние исцеления погасло так же внезапно, как и появилось, оставив после себя звенящую, стерильную пустоту. Карл стоял на коленях посреди разбитого асфальта, тяжело дыша. Секунду назад его бок разрывало от боли, а спина горела от сотен мелких порезов, но теперь кожа была гладкой, как у младенца. Это пугало больше самой раны. Система не просто лечила – она перезагружала его тело, стирая последствия его ошибок, чтобы он мог совершить новые.

Он посмотрел на свои ладони. Они были чисты. Ни капли темной слизи, ни следа крови монстра – магия уровня стерла всё физическое напоминание о схватке, но она не смогла коснуться его памяти. В носу всё еще стоял тот тошнотворный запах паленой резины, а в ушах

эхом отдавался предсмертный хрип серой твари. Психика Карла, его «я», воспитанное в мире вежливых улыбок и безопасных офисов, медленно тонуло в этом новом, пахнущем озоном океане.

В углу зрения призрачно мерцали новые цифры: +2 очка характеристик и +150 золотых монет. Кошелек пополнился, но Карл чувствовал себя нищим. Он поднял с земли осколок – тот самый камень разума. Кристалл был размером с ноготь, неровный, с острыми краями, но от него исходило едва уловимое тепло. Внутри него, словно в застывшей смоле, пульсировала крошечная искра. Карл инстинктивно сжал его в кулаке, и предмет тут же растворился, переместившись в инвентарь.

«Просто вещь. Это просто ресурс», – убеждал он себя, поднимаясь на ноги. Ноги всё еще слегка подкашивались, хотя мышцы были полны сил. Он чувствовал себя марионеткой, которую заботливый кукловод подлатал после неудачного выступления и снова вытолкнул на сцену.

Вокруг него город продолжал агонизировать. Где-то в паре кварталов выше по улице взывала автомобильная сигнализация, захлебнувшись на высокой ноте. Из темноты доносились выстрелы – сухие, резкие щелчки, за которыми следовали крики. Военные пытались держать периметр, но город был слишком велик, а теней в нем – слишком много.

Карл обернулся к витрине ювелирного магазина. Стекло было разбито, и внутри, в полумраке, переливались бриллианты, которые теперь не стоили ровным счетом ничего. Зато на аукционе, который он мельком открыл в своем интерфейсе, шел яростный торг за обычную походную горелку и пачку антибиотиков. Цены в золоте взлетали до небес. Люди, еще утром бывшие коллегами и соседями, теперь превращались в хищных торговцев, вырывая друг у друга шанс на лишний час жизни.

– Эй! Ты! – хриплый голос заставил Карла вздрогнуть и мгновенно вскинуть клинок.

Из тени соседнего подъезда вышел мужчина. На нем была дорогая рубашка, теперь измятая и залитая чем-то темным. В руках он сжимал тяжелый разводной ключ. Его глаза лихорадочно блеснули, отражая фиолетовое свечение неба.

– Ты это видел? – мужчина указал ключом в сторону, где только что рассыпалась тварь. – Ты её завалил? У тебя... у тебя уровень поднялся?

Карл промолчал, чувствуя, как внутри него растет холодное недоверие. Это был человек, такой же, как он сам, но теперь в каждом встречном он видел не союзника, а угрозу – стервятника, который может выждать, пока он выдохнется в следующей схватке, чтобы нанести удар в спину.

– Послушай, – мужчина сделал шаг вперед, его голос дрожал. – У меня есть золото. Система дала... десять тысяч, как всем. Я куплю у тебя твой нож. Дам... дам пять тысяч! Слышишь? Продай мне его через аукцион прямо сейчас!

В этом предложении сквозило отчаяние. Мужчина не выбрал боевой путь или его «набор новичка» оказался бесполезен. Он был готов отдать половину своего состояния за кусок острого металла, который система выдала Карлу бесплатно.

Карл посмотрел на свой короткий клинок. На нем не было ни зазубрины. Он понял: в этом мире золото – это пыль, если у тебя нет способа его защитить.

– Нет, – коротко бросил он, голос прозвучал на удивление твердо, хотя внутри всё дрожало.

– Семь тысяч! – выкрикнул мужчина, переходя на визг. – У меня семья там, на пятом этаже! Мне нужно что-то... что-то покрепче этого ключа! Пожалуйста!

Карл почувствовал укол жалости, старый, человеческий инстинкт, который заставлял сопереживать чужой боли. Но тут же перед глазами всплыла картина того, как тварь прыгает на него из темноты. Если он отдаст клинок, он останется с монтировкой. Если на него напа-

дет стая – он труп. Его хрупкая психика разрывалась между остатками морали и холодным, животным желанием выжить любой ценой.

– Ищи на аукционе других, – сказал Карл, отступая в тень. – Там скоро будет много оружия.

Он не стал дожидаться ответа. Он знал, что на аукционе скоро действительно появится оружие – когда те, кто выбрал силу, но не справился с иммунитетом или монстрами, начнут исчезать, а их инвентари будут вытряхивать счастливики.

Карл свернул в узкий проулок, подальше от кричащего мужчины. Ему нужно было распределить оставшиеся два очка. Он чувствовал, как вложенная ранее ловкость требует баланса. Если он будет быстрым, но слабым, его удары будут лишь царапать шкуру тех тварей, что рыщут по окраинам в поисках легкой добычи. Настоящие хозяева этого пустого мира – те самые легендарные Титаны и Левиафаны, о которых шептались системные окна, – были где-то далеко, за пределами купола. Они были слишком огромны и величественны, чтобы обращать внимание на муравейник мегаполиса. Карл знал: столкновение с таким «царем» означало бы мгновенный конец всего живого, но сейчас его враг был соразмерен его собственной слабости.

Он открыл меню характеристик. Сила или Выносливость? Или, может быть, вложиться в Ментальную стойкость, чтобы этот липкий страх, наконец, затих?

В этот момент за его спиной послышался звук, от которого кровь застыла в жилах. Это было не шуршание мелкой твари. Это был тяжелый, металлический скрежет – звук, который мог издавать только кто-то очень голодный и целеустремленный. Из тени заброшенного мусорного контейнера медленно выдвинулась фигура, перекрывая и без того тусклый свет фиолетового неба. Это был вожак мелкой стаи – существо чуть крупнее человека, покрытое костяными пластинами, которые терлись друг о друга при каждом движении, создавая тот самый лязг.

Карл замер, боясь обернуться. Его хрупкая психика кричала: «Беги!», но тело, скованное новой силой, требовало решения. Он понимал, что за этой тварью могут стоять другие. Стартовая локация не прощала промедления. Если он не распределит очки прямо сейчас, этот переулок станет его братской могилой.

Он судорожно влил последние два очка в Силу. Тело отозвалось резкой вспышкой жара, мышцы рук налились тяжестью, а рукоять клинка вдруг показалась не такой уж легкой. Это не была мощь Титана, способного двигать горы, но теперь в его ударе был вес человека, который отказывается умирать.

Тварь за его спиной издала утробный рык. Карл медленно развернулся, приседая и выставляя клинок перед собой. В его глазах отражалось фиолетовое небо и холодная решимость выжить любой ценой. Глава его прежней жизни в солнечном городе была окончательно закрыта. Началась долгая, кровавая ночь.

Глава 4: Шепот стали

Холод пробирался под кожу, игнорируя новую куртку. Карл стоял в узком проходе между домами, и его мелко трясло – не от героического азарта, а от банального переохлаждения и затянувшегося шока. Вложенные два очка в силу не превратили его руки в стальные рычаги. Он лишь почувствовал, как пальцы, добела сжавшие рукоять клинка, перестали так сильно неметь, а само оружие перестало казаться неподъемным ломом. Это было жалкое, почти неощутимое изменение, которое в обычной жизни он бы даже не заметил.

Тварь в нескольких метрах от него медленно переступала с лапы на лапу. Костяные пластины на её боках терлись друг о друга с противным сухим скрежетом, напоминающим звук старого напильника по ржавому ведру. Карл сглотнул вязкую, горькую слюну. Его хрупкая психика была на пределе: каждый вдох давался с трудом, легкие словно наполнились колючей пылью этого выжженного мира. В его голове не было тактических планов, только одна пульсирующая мысль: «Пожалуйста, пусть это закончится».

Система не ответила. Вместо этого личный дух – маленький светящийся шарик – лениво дрейфовал над его плечом, тускло освещая кусок грязной стены. Карл понимал, что никто не придет на помощь. Где-то далеко, за рядами высоток, слышались глухие хлопки выстрелов и чьи-то надрывные крики, но здесь, в вонючем тупике, он был один на один со своей слабостью.

Он снова взглянул на свои характеристики. Сто очков на старте казались огромным богатством, но распределив их, он осознал горькую правду: он всё еще был тем самым Карлом из пекарни, просто теперь его мышцы чуть меньше ныли от статического напряжения. Ловкость не сделала его ниндзя – он просто перестал спотыкаться о собственные ноги в темноте. Сила не дала ему мощи титана – он лишь смог удержать клинок ровно, когда тварь издала свой первый предупреждающий рык.

Вожак мелкой стаи сделал выпад. Это не был молниеносный бросок – существо двигалось тяжело, прощупывая дистанцию. Его когти чиркнули по асфальту, высекая искры. Карл отшатнулся, едва не повалившись на груду мусорных мешков. Его сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Он взмахнул ножом, но лезвие лишь бессильно звякнуло о костяную пластину монстра, не оставив даже царапины. Отдача отозвалась резкой болью в запястье, заставив Карла вскрикнуть.

– Черт... – прохрипел он, чувствуя, как по лицу катится холодный пот.

Тварь почувствовала его слабость. Она начала обходить его по кругу, загоняя в угол. Карл лихорадочно соображал, что делать. Его золото на аукционе было бесполезно в этот конкретный миг, а камни разума лежали в инвентаре холодными мертвыми осколками. Он был обычным человеком, напуганным до смерти, с ноющим суставом и нарастающей паникой в глазах.

Внезапно со стороны входа в переулок послышался топот тяжелых ботинок и резкий свет фонаря разрезал мглу.

– В сторону! Ложись! – рявкнул грубый голос.

Карл, не рассуждая, рухнул на грязный бетон, закрывая голову руками. Раздался оглушительный треск автоматной очереди, эхо которой в узком пространстве едва не лишило его сознания. Пули рикошетили от стен, выбивая крошку кирпича, а тварь взвизгнула, когда свинец начал рвать её плоть.

Звук автоматной очереди в узком пространстве между домами напоминал удары кувалды по тонкому железу. Карл, вжавшись в холодный бетон, чувствовал, как вибрация от выстрелов проходит сквозь его кости, перемешиваясь с едким запахом пороха и горячего металла. Свинец с сухим треском вгрызался в кирпичную кладку, выбивая облака пыли, которые в тусклом фиолетовом свете казались ядовитым туманом. Тварь, еще секунду назад бывшая воплощением первобытной угрозы, забилась в агонии под ливнем раскаленного металла, пока её костяные пластины не начали крошиться, обнажая темную, дымящуюся плоть.

На входе в переулок, окутанный ореолом собственного фонаря, стоял силуэт. В его руках тяжело рокотал крупнокалиберный пулемет – внушительная груда стали, явно выменянная у тех, кто обладал доступом к армейским арсеналам за баснословное количество системного золота. Незнакомец уверенно сжимал рукоятки оружия, сдерживая его яростную отдачу. В ленте, подающей патроны, зловеще поблескивали наконечники с красной маркировкой, обещающие смерть всему, что встанет на пути.

Когда грохот наконец стих, оставив после себя лишь звенящую тишину и шипение догорающих гильз, незнакомец опустил ствол. Его облик был пропитан духом опасной авантюры: черные волосы, непокорно вздыбленные вверх и перехваченные узкой темной лентой, придавали ему вид человека, привыкшего к хаосу. На его плече тускло поблескивала кожаная накладная с грубой прострочкой, единственная видимая часть экипировки, дополняющая его среднее, но жилистое телосложение. В его движениях сквозила странная легкость, несвойственная кадровым военным, – это был охотник удачи, сумевший быстро адаптироваться к правилам новой игры.

– Живой? – голос незнакомца прозвучал бодро, почти беспечно, резко контрастируя с недавней бойней.

Карл медленно поднялся, отряхивая ладони от строительной крошки. Его всё еще мелко трясло, а хрупкая психика едва справлялась с осознанием того, что его жизнь только что была спасена чистой случайностью. Он посмотрел на своего спасителя, чувствуя смесь облегчения и глубокого, инстинктивного недоверия, которое теперь стало его верной тенью.

– Кажется, да, – выдохнул Карл, глядя на то, что осталось от жоака стаи.

– В одиночку тут делать нечего, друг, – парень ослепительно улыбнулся, поправляя повязку на волосах. – Я Эрик. Ищу тех, кто не планирует стать кормом для этих недоразумений в первую же ночь. С таким пулеметом и парой сотен «красных» аргументов в запасе мы можем пройти гораздо дальше, чем ты с этим коротким лезвием. Что скажешь? Вдвоем и золото капает быстрее, и спина прикрыта.

Эрик протянул руку – открытый, уверенный жест, который в этом новом, пахнущем смертью мире выглядел почти нереально, как привет из той далекой жизни в солнечном городе. Карл помедлил, глядя на мощное оружие и спокойную, располагающую позу своего спасителя. Его хрупкая психика, истерзанная страхом и первым убийством, жаждала опоры, хотя бы временной. Он вложил свою ладонь в руку Эрика, чувствуя крепкое, надежное рукопожатие. В этот момент ему показалось, что тьма вокруг стала чуточку менее густой.

– Идем, – Эрик дружески хлопнул его по плечу, и этот простой жест заставил Карла невольно выдохнуть скопившееся напряжение. – Тут неподалеку есть аптека, которую еще не успели выпотрошить мародеры. Заберем всё ценное для аукциона, а потом двинем к мосту – там военные организовали что-то вроде безопасного узла.

Они двинулись вглубь квартала. Эрик шел впереди, уверенно водя стволом пулемета по сторонам и вполголоса делясь историями о том, как ему удалось выменять это «чудовище» у одного интенданта, который слишком сильно любил золото. Его болтовня, легкая и почти беспечная, действовала на Карла умиротворяюще, постепенно вытесняя липкий ужас последних часов.

Карл шел следом, стараясь не отставать. Его личный дух – маленький светящийся шарик – теперь спокойно дрейфовал рядом, словно тоже признал в незнакомце союзника. Впереди их ждал путь через темные улицы, где каждый перекресток мог скрывать опасность, но теперь, глядя в спину человеку с пулеметом, Карл впервые за этот бесконечный день почувствовал нечто, похожее на надежду.

Аптека «Здоровье и Долголетие» на углу Пятой авеню выглядела как выбитый зуб в челюсти разбитого города. Витрины были целы, но внутри царила мертвая тишина, прерываемая лишь редким писком электронного табло, которое каким-то чудом всё еще работало от аккумулятора. Эрик шел впереди, пулемет в его руках казался не тяжелым бременем, а надежным стражем. Он то и дело оборачивался к Карлу, подмигивая и вполголоса отпуская шутки о том, что в этом новом мире антибиотики станут дороже золотых слитков.

– Слушай, Карл, – шепнул он, когда они подошли к дверям. – Там внутри могут быть «крысы». Мародеры, которые решили, что аптека – это их личная кормушка. Держись за моей спиной. Если начнется заваруха – просто прикрой левый фланг своим ножом. С остальным разберется мой «красный аргумент».

Карл кивнул, чувствуя, как внутри него разливается теплое чувство сопричастности. Он больше не был один. У него был напарник, опытный и вооруженный до зубов. Его хрупкая психика жадно цеплялась за этот суррогат безопасности. Он крепче сжал рукоять клинка, распределяя внимание между темными углами зала и широкой спиной Эрика.

Внутри пахло спиртом, пылью и чем-то приторно-сладким. Стеллажи были полупустыми, но за кассовой стойкой виднелись нетронутые коробки. Стоило им сделать шаг вглубь,

как из тени подсобного помещения вышли двое. На одном была грязная куртка дорожного рабочего, другой кутался в темный плащ. В руках они сжимали обрезки труб и тяжелые ломы.

– Места заняты, – прохрипел тот, что в плаще. – Проваливайте, пока живы. Золото и лекарства здесь наши.

Карл почувствовал, как сердце ушло в пятки. Но Эрик лишь коротко хохотнул, вскидывая пулемет.

– У моих патронов другое мнение на этот счет, парни! – крикнул он.

В следующую секунду начался хаос. Грохот выстрелов Эрика заполнил тесное пространство аптеки, выбивая щепу из прилавков и разбивая склянки. Незнакомцы бросились в атаку, и Карл, ведомый инстинктом, рванулся им наперерез. Всё происходило как в тумане: звон металла о металл, крики, вспышки дульного пламени. Карл видел, как Эрик яростно сражается с «мародером» в плаще, они катались по полу, опрокидывая стеллажи с лекарствами.

– Помоги... Карл! – выдохнул Эрик, прижатый к земле тяжелым ботинком противника.

Карл бросился к ним, заноса клинок для удара, но в этот момент мир вокруг него внезапно качнулся. Резкая, ослепляющая боль в затылке выключила свет. Он не успел понять, откуда пришел удар. Последним, что он услышал перед тем, как окончательно провалиться в липкую темноту, был тихий, спокойный смех Эрика.

– Отличная работа, парни. Актерская школа по нам плачет.

Когда сознание начало возвращаться, оно принесло с собой только пульсирующую муку. Карл обнаружил себя сидящим на полу подсобки, привязанным к тяжелой стальной трубе. Его рот был туго перетянут куском грязного бинта, а запястья ныли от врезавшейся в кожу веревки. Эрик стоял прямо перед ним, лениво поправляя повязку на своих черных волосах. Рядом стояли те самые «мародеры», которые теперь вполне дружелюбно хлопали друг друга по плечам.

– Инвентарь твой нам не достать, приятель, система бережет вещи носителя до самой смерти, – Эрик присел на корточки, заглядывая в полные ужаса глаза Карла. – Но то, что ты выложил на прилавок, пока мы «готовились» к бою, и то, что выпало из твоих рук, когда ты упал... это приятный бонус.

Один из напарников Эрика подбросил на ладони тот самый первый камень разума, который Карл так неосмотрительно держал в руках перед входом. Следом в сумку мародера переключевал и его короткий клинок, выбитый ударом из ладони.

– Ты был отличной приманкой, – Эрик поднялся, закидывая пулемет на плечо. – Мы оставим тебя здесь. Твой страх и твой запах скоро привлекут тех, кто рыщет снаружи. Пока твари будут заняты тобой, мы спокойно уйдем. Удачи, Карл. Надеюсь, твой «иммунитет» поможет тебе пережить эту ночь.

Дверь в подсобку захлопнулась, оставив Карла в полной, удушающей тишине, нарушаемой лишь его собственным тяжелым дыханием через нос. Он остался ни с чем – привязанный к трубе, безоружный, преданный единственным человеком, которому решил довериться. А где-то за тонкой стеной аптеки уже послышалось первое, знакомое шуршание ногтей по линолеуму.

Глава 5: Осколки доверия

Темнота в подсобке была не просто отсутствием света – она казалась живой, маслянистой субстанцией, которая забивалась в ноздри вместе с пылью и запахом старых лекарств. Карл сидел на холодном кафеле, чувствуя, как стальная труба за спиной высасывает остатки тепла из его позвоночника. Запястья онемели: веревка впиалась в кожу настолько глубоко, что пульсация крови превратилась в ритмичные удары маленьких молоточков под кожей.

Его хрупкая психика, до этого балансировавшая на грани обморока, наконец рухнула. Но под обломками прежнего «я» не оказалось пустоты. Там, в самой глубине, вскипала чер-

ная, густая ярость. Это не был гнев героя из боевиков – это была ярость обманутого ребенка, смешанная с животной жадью выжить. Эрик не просто забрал его клинок и первый камень разума; он забрал у Карла последнюю иллюзию того, что в этом новом мире можно остаться человеком.

Где-то за тонкой гипсокартонной стеной послышался шорох. Когти мелкой твари скребли по линолеуму торгового зала – методично, почти лениво. Монстры чувствовали его страх. Для них он сейчас был запертой в банке консервой, чей запах просачивался сквозь щели в двери.

Карл попытался закричать, но грязный бинт, туго стягивающий рот, превратил крик в жалкое, задушенное мычание. Он рванулся всем телом вперед, надеясь сорвать трубу с креплений, но лишь больно ударился затылком о металл. В глазах посыпались искры, а в углу зрения тревожно мигнул интерфейс.

[ВНИМАНИЕ: КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТРЕССА]

[АКТИВАЦИЯ СКРЫТОЙ ОСОБЕННОСТИ: НЕСТАБИЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.